Их обдувал сухой ветерок, а солнце милостиво даровало теплое благословение на две светлые макушки.

Подобно доброй старушке, на лице которой отпечатались все светлые моменты её жизни, морщины не отвращали наблюдателя. Коли любая другая, всякая старушка отталкивала взгляд, эта оказалась до приятного особенной и нежной. Как настоящая, родная Бабушка.

Вот так, сидя на пеньке — который в былые времена рос могучим деревом и рядом с которым проходило не одно признание в любви, да огромные, веселые и громкие попойки — одна девушка с явным нетерпением, будто новорожденный ребенок, нет, все же это не было так неуклюже, училась заново всему и сразу. И все же, в отличии от младенца, эта девушка не училась с нуля, она вспоминала, как и что делать, ведь до недавнего времени, барышня и рукой нормально пошевелить не могла.

Вернув утраченное, Канна наконец получила контроль над своей законной честью и ей естественным образом хотелось занять «больше места», наверстать упущенное, использовать накопленные силы да так, что все тело чесалось. Хотелось бегать, прыгать, веселиться, плясать от души и с душой по всей округе! Останавливали её от подобной ребяческой идеи, горькие сожаления, да навязанные обществом правила.

Как жаль, утраченные года не восполнить, а дурную голову брата не вернуть в прежний ритм. Ведь помнит Канна, как её миленький и слабенький братишка со слезами на глазах и разбитым носом приходил домой и жаловался на местных хулиганов. В восприятии барышни эти события были ещё совсем-совсем вчера. Вот она утирала сопли плаксе-брату, а вот её смертельно ранят, как позже выяснилось, не так уж и смертельно, скорее: «Сногшебательно, на кровать приковательно». Моргнуть не успела как множество друзей и знакомых отворачиваются от неё, а после, происходит смута, когда единственные друзья как могли помогали финансами, а брат изо дня в день пропадает за закрытыми дверями, что вели во внешний мир.

Скучное солнце сменяло блаженную луну, ведь только ночью Канне удавалось заснуть, в то время, как первые дни проползали невероятно медленно и мучительно. Однако не сказать, что девушка совсем уж отчаялась. Пускай говорить ей было тяжело, а из арсенала у неё была подвижная рука, ей удавалось поддерживать актив с приглядывающей служанкой — старухой за которой, по-хорошему, тоже нужно присматривать. Привычная тяжесть меча облегчилась к перу, а поскольку на тот момент Канна не была особо образована (ей казалось, что подобное никогда не понадобится), все умные задачи на себя сложил её младший брат. Сражения на новом поле боя давались сложновато. Клайм (как по началу наивно думала Канна), не стал её домашним репетитором, вместо этого, нагрузив старушку ещё и этими уроками грамматики. Сам же парень из раза в раз где-то бродил, а признаваться, где именно, не желал.

Клайм на тот момент, загорелся лишь только одной идеей — найти целителя. И он находил, находил известных в широких и узки кругах лекарей и шаманов, выходя на них как со светлой стороны улицы, так и с темных подворотен. Однако они, только и делали, что тратили деньги и время. И если первое всегда можно накопить, то вот второе может стать проблемой. Ко второму году, Клайм и вовсе влез в неподъёмные долги, а от родной сестры так сильно отдалился, что та и знать не знала о всех его поступках.

Может и не знала, но очень хорошо чувствовала.

Подобные перемены в жизни, не слабо подкосили и без того ослабленный организм ещё больше. Во все более изолированном мире жила Канна, все чаще, это ощущение изгоя ставило её перед очевидными словами.

«Ты просто обуза.» Немощная и беззащитная, как новорождённый младенец, Канна получила непоправимые моральные травмы.

Клайм же, бесцельно бродящей псиной, где бы быстро поднабрать деньжат, брался за многие задания, которые обычно ему бы претили. Иногда даже в обход гильдии, что брала свой процент от сделок. Да вот, так как-то одним днём получилось, что в лесу парнишка и наткнулся на первых представителей детей ночи. Как иронично тогда в кармане мнулся его заказ: «Расследование о пропаже овец с пастбища».

Ещё тогда малочисленные Дети ночи, без задней мысли сперва предложили к ним присоединиться. Резко, простовато и прямо в лоб. Кто в здравом уме согласится вступать к каким-то мутным личностям, которые вместо приветствия и представления себя же, первым делом зазывают в секту? Мягкий отказ был самым безобидным чем это могло закончится. Только вот бравые молодцы тут же кулаком в грудь начали доказывать, что быть такими же как они — почётно, доблестно и круто. Естественно Клайм им не поверил, и решил, что иметь дело с ненормальными себе дороже. «Если они и украли овец, пусть с этим разбирается кто-то другой», задание гильдии вернулось на доску объявлений, а Клайм благополучно пытался забыть этот странный эпизод из своей жизни.

Так бы этот эпизод с двумя простаками и непонятной сектой остался на задворках памяти как забавный случай, не более, если бы неделю спустя, на поселок не начала толпа мазверей. Событие в этих краях было не так чтобы редко, но и частым его не назовешь. Стихийное бедствие, против которого успешно выставили доблестных стражей. Их профессионализма оказалось достаточно для подавления всех линейно курсирующих особей. Никакого уникального или необычного монстра, довольно рядовая стычка, во время которой обычно никто не проникает внутрь поселка. Как выражались выше, «обычно», «рядовой случай». Человеческий фактор не всемогущ, и бродящий по местности Клайм неожиданно для себя встретился с этим самым человеческим фактором лицом к лицу. Волкоподобная тварь с каменными шипами по всему позвоночнику жадно скалилась, точь предвкушала будущий пир.

Была близкая ночь, а меча у парня с собой не нашлось, привычки такой ещё не развилось и могло уже никогда не развиться, если бы не те два странноватых простака, которые как выпрыгнут! Откуда и как — неважно, главное эффектно появились! Тогда-то пришлое дуо фанатиков, на практике продемонстрировали свои умения и навыки. Первый (что потолще), как живой щит, напрыгнул на волкоподобного монстра, объятиями сковывая лапы. Морда зверя успела извернуться и вгрызться в плечо схватившего его человека, однако тот не отпускал как бы не хлесталась кровь наружу. Возможно удержать то этот мужик монстра и удержит, своей жизнью спасая чужую, однако не в том дело его план был, не в том заключалась столь открытая жертва! Подоспел второй (что потоньше), со странной магией, где он прокусил себе большой палец до крови, и направив эту открытую рану в сторону монстра, удивил не только магзверя, но и Клайма, что ропотно наматывал слёзы печали на ус.

Из пальца того мужика со страшной силой вылетела настоящая полутораметровая игла, которая вмиг и закончила поединок.

К пребольшому удивлению Клайма, который всю скоротечную битву отсиживался в тылу, ужасные раны одного из мужчин затянулись так же быстро, как сохнет разлитая на пол вода в летнюю жару.

Подобное шоковое событие дало толчок к развитию мысли. Окончательной точкой стало очередное предложение вступить в ряды, казалось бы, не таких и плохих парней, особенно когда они с беззаботными лицами так легко и просто предлагали вечность жизни.

***

— Всё-таки не удержала, — то сжимая, то разжимая ладони, Канна, устремила взгляд вперёд, осматривая местные красоты дальнего зеленого горизонта, который чем дальше, тем больше сменялся цветом неба. Земля и небеса смешивались, чем дальше за рэд лайн пыталась заглянуть Канна, однако даже её улучшенному зрению было не под силам видеть все.

Прошёл уж цельный месяц, кроме самолично выведенных способностей Клайм больше ничего ей не рассказывал. Он вообще не спешил делиться тем знанием, какой она стала после обращения. Бывало, встречалась Канна с другими, вроде как подобными ей, но они все как поголовно запуганы, молча притворялись простыми горожанами и с недоумением достойным театрального выступления, переспрашивали все прямые вопросы Канны. Барышня дико бесилась ведь ощущала себя полной дурочкой.

А ведь полной дурой она не была и осознавала свое положение «Незнайки» в обществе. Возросшие возможности, такие как частичная трансформация тела (в пределах удлинения и уплотнения ногтей), усиленные чувства, управление кровью в малом от себя радиусе… Все эти «мелкие» нюансы были у неё на виду с самого начала и скрыть их невозможно, как бы её брат ни пытался манипулировать окружающими.

«Почему же он так обо мне печется? Я ведь не ребёнок, и теперь физически здорова».

Сквозь пелену тяжких дум, Канне виднелся один человек. Её знакомый попутчик так благотворно сиял профилем, что казалось, более его ничего не волнует. Он будто бы освободился и просто наслаждался обретенной свободой. Почему-то брат Канны много больше наслаждался её выздоровлением, чем сама Канна.

В реальном же мире, позади барышни и вправду, по естественному стоял «знакомый попутчик».

Клайм неотрывно созерцал бледные плечи сестры, часть её обнаженной шеи (прическа в виде высокого хвоста на затылке то позволяла), и улыбался, как улыбаются перед истинной смертью мертвецы. Нежно, мягко, воздушно.

Если бы улыбка взаправду красила человека, то Клайм прямо сейчас оказался бы самым привлекательным женихом на ближайшие километры.

Юноша добился своей основной цели. На этом, он едва не прекратил свои функции, будто бы робот из стали, без воли и разума. И все же достигнув последнего рубежа, перешагнув горизонт, ему не было никакой нужды умирать. Никто этого не желал; да и за место тлеющей пустоты в груди (какую, ожидал ощутить парень), неожиданно разлилось счастье. Клайм вновь ощутил вкус к жизни, к еде, к себе и остальным. Он был счастлив ровно столько, сколько счастлива сестра.

Но вот, с какой-то необъяснимой для себя причиной, Канна полностью затихла, сложив бушующие руки оземь. Будто бы что-то вдалеке узрела, и Клайм прищурился, выводя зрение на новый уровень. С ним он мог видеть дальше, больше, однако этого было недостаточно, чтобы заметить причину, по которой печаль тихо укусила ушко сестры.

— Что-то случилось? — нежно положив ладонь на плечо, юноша присел на колено напротив, равняя тем самым свое лицо и лицо сестры. Так он хотел сделать, но из-за роста получилось, что сестра смотрела на него сверху вниз.

— Нет, ничего, — и вновь взгляд Канны устремился на собственные руки, которые то разжимались, то сжимались. — Тебе не обязательно больше обо мне так беспокоиться.

Клайм остался нем и глух к словам сестры. Он выражал искреннюю обеспокоенность в любой подобный миг жизни. Говоря на чистоту, сестру это начинало выводить из себя. Она отлично знала, каково это, ощущать себя прижатой к постели страшной травмой; отдать на откуп жизни свою гордость как мечника. Честь Канны, как рыцаря святого ранга, на самом деле была уязвлена, и не один раз. Это случалось не часто, но за парочку лет набежало множество инцидентов, когда приходилось сдавливать собственную грудь, дабы сказать слово, которое по-другому не вытянуть; десятки, сотни раз, сестра чувствовала стыд и немощность. В первую очередь по отношению к себе самой.

Каждый раз, когда Клайм кланялся простачку, чей ранг меча едва дотягивал до среднего, девушке хотелось выть. И теперь, когда её тело вернулось, а травма отступила, она здорова как никогда прежде!

Искреннее беспокойство брата так никуда и не улетучилась. За этот несчастный месяц с момента излечения, Канне казалось, Клайм только больше сгустил дымку опеки.

«Не нужно меня больше оберегать, оставь меня, живи своей жизнью!» — вот истинные мысли Канны, ранее бывшей главой семьи, вот что она безуспешно выдавала взглядом, которого не замечают.

Юноша не обладал глазами, которые могли видеть это. Он по уши ослеп от радости, от удовлетворения законченной цели.

Потому изучая глаза брата, сестра не сумела узреть в их чертогах то тёмное, что могло указывало на беспокойство. Да, Клайм был рад, однако вместе с этим, за этот месяц его разуму приходилось то и дело стыкаться с действительностью. Проще говоря, ему выпала возможность хорошенько подумать. Нужно было найти новую цель.

Алу Кард, Кандидат в Короли Крови. За ширмой ненормальной и озабоченной личности скрывался далеко не дурак. Из различных подворотен, создавая новые важные связи, Клайм узнал, что ранее Кандидат взаправду был гоним, едва ли не всей столицей Милиса на задворки мира, где его по случайности и нашел Владыка Карс. С того времени, Кард планирует свою месть, и месть его собиралась растянуться на долгие годы. Самых ненавистных он наказывал сразу. К примеру, двумя неделями ранее, падкая на власть и продажная семейка барона, чью младшую дочь Алу Кард начал против воли сношать каждую ночь по несколько раз.

Барон Коэн Рудэус умер вслед за женой, на годовщине их помолвки, в блестящей спальне. Белые простыни оросились кровью виновных. Кандидат мстит исключительно собственными руками, предпочитая не отдавать обидчиков в чужие руки. Их дочь сейчас «работает» над искуплением, не покладая языка в поместье кандидата.

Инцидент не прошёлся по улочкам города бесследно. Добрые горожане ещё долгие дни гудели о том страшном случае, замечая в каждой подворотне кровавую тень. Созывали дознавателей, отправляли на расследование стражу, однако поймать Карда не удалось. Слишком уж ему покровительствует Папа. Учитывая, что Барон был именно в его фракции, дело просто пустили на самотёк.

Причина лидерства Алу Карда во фракции Папы, не была простой. Месть обидчикам для кандидата являлась малой, однако до дрожи вкусной, приправой. Основное блюдо же, желание сойтись с теми, кому не противны остальные расы. Как всем известно, в отличии от Кардинала,

фракция Папы, в большинстве своем, ратует за мир со всеми расами, не выделяя кого-то одного. Для Детей Ночи, его политика была как никогда удачной, особенно учитывая какие сказочные награды обещал Алу Кард старику после победы его инициативы.

Именно поэтому, с запросом в королевскую семью, а Милис это монархическая страна с парламентом, который делился на две фракции. В прошлом месяце прошёл ряд важных изменениях, как пример, увеличение численности телохранителей одного из главных орудий страны — Мико Памяти. На пост выставили кандидатуру новеньких ещё мало кем замеченных родственников. Клайм и Канна — представителей фракции Папы, которые пользовались его безграничным благодушием (не без указки Алу Карда). Кандидат в Короли Крови формально принадлежит фракции Папы, однако предпочитает действовать из тени.

Как бы изощрённым в своих утопических пытках не был Алу Кард, одно Владыка не учёл, и было это тем, как крепко кандидат вцепился когтями в сердечник столицы, едва не дотянувшись до верхушки.

«А может и дотянулся», помелькала мысль у Клайма.

Юноша находился столь близко к вершине иерархии, что его не могли не беспокоить деяния старшего.

Клайма, как сильного собрата, звали на балы, театры да бани, где кроме пиршеств, зачастую обсуждали дальнейшие планы по расширению и углублению влияния расы. Естественно всей правды там не высказывалось, однако её процент был значительно выше, чем при обычном чаепитии. Там то и проходили беседы с Алу Кардом, который открылся Клайму с… более приятной стороны. Кард оказался заядлым исследователем. И даже свои постельные оргии он пытался обосновать благой наукой.

«Мне было интересно, насколько они вырастут в рангах, если я постоянно буду снабжать их частичкой себя», так он говорил.

Однако никаких постоянных изменений не было. Оказалось, нет в рангах какой-то систематической причины. Можно подняться на один ранг за день, а можно и целую вечность пожирать старших собратьев и не усилиться ни на грамм. Частица старшего скорее была катализатором, и зависела от многих факторов.

— Последнее время, твою голову посещают одни глупости, — после долгой паузы, и длинного внутреннего монолога, Клайм со вздохом взял сестру за руки. — Нет ничего плохого в том, что брат защищает сестру.

— Нет, — согласилась сестра, и качнув хвостом продолжила. — однако…

«Однако ты чрезмерно опекаешь меня», Канна не была глупой девочкой, впрочем, ей приходилось время от времени отгонять себя палками от мыслей о ненормальности брата. Он ведь столько для неё сделал и ещё столько делает, а она как последняя неблагодарная сестра ещё смеет думать о нём чего неправильное. Впрочем, если бы не эта искренняя благодарность старшой сестры, Канна бы таки заметила, как нескрываемой рукой Клайм отгородил её от целого общества, от целой расы Детей Ночи. Грубо, ясно и без сожалений. Как ни посмотри, а Клайму так и хотелось, дабы у сестры было как можно меньше связей с этой расой и с людьми в целом. Едва не затыкались уши пальцами, только ради «её же блага».

— Однако, — повторила девушка уже увереннее. — Я хочу знать.

— Что именно?

— Все, — рука, поднесенная к лицу Клайма сменила свою кондицию. Заместо аккуратно подстриженных ногтей явились уродливые когти непонятного животного. Ими, она как можно нежнее провела по братскому лицу. — Тебе не скрыть от меня то, во что я превратилась. Скажи прямо: «Лечение забрало в тебе часть человеческого и теперь ты монстр», я пойму…

Жалобную тираду родной крови Клайм на этих словах грубо прервал, будто рассёк мечом, ухватившись за когтистую руку сестры своей.

— Ну что ты, что ты… Совсем дурочка? Какой же из тебя монстр? — Клайм сжал худенькую руку сестры так сильно, что когти проткнули все барьеры, и полилась настоящая кровь. Момент, когда беспокойство взяло вверх у Канны, совпал с тем, как Клайм подхватил собственную кровь. Она так и не коснулась грязной земли. А все это ради того, чтобы преподнести её своей сестре. — Ты не монстр, просто теперь ты такая же как я. Слегка другая. А теперь, открой ротик.

Бросив скептический взгляд на витающее вокруг неё кольцо братской крови, барышня собиралась ответить крепким отказом, но открытый рот, стоило губам раскрыться, тут же наполнился кровью.

Аки исполнивший свою пакость ребёнок, Клайм активно отскочил от сестры и мягко ей улыбнулся.

Глоток, два, и вот вся насильно втиснутая внутрь кровь, влилась без остатка.

— Бэ! — не рефлекс, а слово, которое выдала девушка должно было показать её к этому отношение. — Никогда к этому не привыкну… И почему она вообще сладкая? Так же не должно быть.

— Таковыми нас задумал Владыка Карс, кровью вполне можно питаться, чем Владыка постоянно и занят. Он не переносит обычную еду как мы.

— Я уже это слышала, — склонив голову к плечу, Канна внимательно прислушалась к своему организму, который теперь не слишком то и протестовал против подобных «забав». Понемногу, но девушка привыкает к новому вкусу крови и это не могло не пугать её. Передышка на одну минуту, и вот, дама вновь в строю, да готова испытывать терпение парня. — Я хочу знать то же, что и ты.

Услышав столь твёрдую и прямую как меч, просьбу сестры, брат ещё какое-то время продолжал стойко держать улыбку, которая, казалось бы, и вовсе застыла воском. Поднявшись с земли, он поправил пояс, глубоко вдохнул и тихо, однако так чтобы его услышали, проворчал: «Не хотелось мне тебя туда тянуть».

— И что же ты сделаешь, если я откажу? — Клайм не собирался чинить вред родственнице, однако её настойчивая просьба которая продолжается уже некоторое время, неосознанно выводила из себя. Из его злобы медленно зарождалось желание «подавить» сестру законом. Законом где старший сильнее младшего. Непреложная истина для Детей ночи.

Закон со всей строгостью и без исключений в родстве давил страшной силой. На плечи Канны, словно опустились десятки мешков пяток центнеров каждый. Девушка не удержала и опустила удивленную голову вслед за глазами-блюдцами.

Сегодня, она впервые сталкивалась с подобным давлением за все свои прожитые годы. Святая меча должна многое уметь. В перечень её навыков входил и контроль эмоций, дабы можно было разжечь в себе ярость и так же её потушить. Это относилось и к страху, однако с Клаймом все было по-другому. Канна не ощущала угрозы именно от брата, угроза словно окружила её со всех сторон, облизывала, острыми как лезвия, языками под подбородком, рядом с шеей. Эти языки то и дело ухмылялись, ожидая неверного ответа чтобы ответить в сто крат сильнее. Барышня не могла даже сказать откуда нападут. Нападать будут либо ниоткуда, либо со всех сторон одновременно.

Таковым было неосознанное давление Маркиза на Барона. Между ними просто огромная пропасть, как в иерархии, так и в желаниях.

«Я должна быть сильнее», и Канна была сильнее брата в силе, скорости, реакции. Единственное в чем она проигрывала это ранг, который к несчастью для неё определял слишком многое. Наконец оторвав взгляд от земли, девушка ответила сразу после того, как проглотила тревожный ком в горле:

— Я тебя возненавижу. Если ты мне ничего не расскажешь, я найду другого, того, на кого у тебя не найдется управы. Алу Кард.

Упомянутое имя сработало не хуже бомбы с таймером. Вены на лбу Клайма вздулись до опасной точки, когда сама сестра прикрыла рот в удивлении, страхе и беспокойстве. Злость брата по отношению к сестре быстро сходить на нет не собиралась, однако парень визуально остыл.

— Дура! Алу Кард — кобель, что для тебя, хуже смерти, уж поверь, — Клайм сжал кулаки до бела, вгрызаясь ногтями в ладонь.

— Ты говорил, он хороший парень…

— Я говорил о нём, как мужчина о мужчине. С девушками он ведет себя по-другому.

— И как же?

— Тебе лучше не знать.

Упоминалось выше, как часто Канна одевала рабочие перчатки, брала в руки ручную дрель марки «Надоеда» и потихоньку, каждый день сверлила ею черепушку брата. Девушку можно понять. Последние недели она то и дело под наблюдением брата и не может шагу ступить в сторону, ведь везде таятся опасности!

«Теперь и Алу Кард плохой кобель…» Канна не слишком то и доверяла словам человека, который день назад то же самое говорил и о продавце обуви.

Девушка не знала, однако тот продавец взаправду был кобелем и принадлежал Детям Ночи…

Юноша устал от бессмысленных распрей. Он просто хотел сидеть вот так, посреди ветра и солнца. Хотел купаться с сестрой в лучах заката и рассвета. Однако нет на свете для них места. По крайней мере, пока нет.

Грубое и неказистое: «Гм!» Вылетало из головы парня, когда он решил конкретно обдумать слова сестры об освещении её в дела Детей Ночи. Закончив на мысли: «Общее образование, все-таки надо провести», Клайм цокнул языком, привлекая внимание.

— Отлично, если таково твое желание, тогда задавай вопросы, я попытаюсь на них ответить.

— Не попытаюсь, а отвечу точно, да? — глаза девушки сузились в натянутую нить.

— Да-да, — проворонил Клайм отводя взгляд на горизонт.

— Хорошо, в таком случае, лучше тебе понять, что я уже знаю, верно? — и не позволяя ответить брату, на вопрос, слова её полетели дальше. — Из того, что я знаю, зовётся раса, к которой я примкнула «Дети Ночи», и главным является некий Владыка Карс. Ещё есть ранги, важная штука и этот непонятный Карс единственный, кто стоит от него обособленно. Вопрос, зачем же в таком случае создавать эту систему? Вот мне интересно, что за деления на ранги? У меня какой? И что он даёт или значит?

Полученная информация, как и ожидалось от слуги личной гвардии Владыки Карса, больше всего касалась именно его.

— Давай по порядку. На первый твой вопрос я ответить, увы не смогу, но поправлю. Пускай у Владыки и нет определенного ранга, он сам по себе стоит выше самых высоких чинов. Говоря простым языком, ранг определяется твоей силой, однако не личной, то есть до превращения, а приобретённой — после. Считается, что все, кто ступил на благородный ранг Барона могут использовать магию крови в том или ином виде. Сама эта магия уникальна, и присуща только нашей расе, поэтому мы можем использовать её невербально, — остановившись на лёгкую передышку, в первую очередь для Канны, Клайм продолжил говорить, когда через минуту сестра кивнула головой, поторапливая его жестом руки. — Твой ранг, сестра дорогая, самый низкий, не считая «крестьян», которых большинство и которые получили исключительно бессмертие на пару с усилением тела. Впрочем, некоторым и этого за глаза хватает. Я уточнял, где-то полгода назад, нашу численность у Владыки, и на тот момент, мне ответили размытым числом в пять тысяч особей. Из них, титулованных не более тысячи. Сейчас, правда, не знаю сколько нас всего.

— Различия в рангах детей ночи чем-то схоже с рангами меча или магии?

— М-м, в некотором роде… — уклончиво отвечать Клайму было не с руки в первую очередь потому что его сестра отлично знала все его ужимки. — Иерархия стоит не просто так. Тот, кто ниже, подчиняется тому, кто выше.

— Ясно…

«Получается, брат властен надо мной в любой момент?» Опечаленные мысли отразились и на лице. Для постоянной опоры в семье, непривычно осознавать, что подпирать больше нечего.

Для Канны было сложно представить подобную вещь, не только потому что в душе она была истинной бунтаркой, но и потому что Клайм весь месяц её берёг и не подпускал к старшим. Особенно к кандидату.

— Это сложно объяснить. Свойства нашей расы ещё полностью не изучены, считай мы первопроходцы… Братья и сестры ежедневно сталкиваются с необычным поведением, которое им ранее было не свойственно. Алу Кард назвал это «Памятью предка». Однако только из-за относительной покорности младших, по отношению к старшим, наша раса ещё держится в одной сети, и не разбежалась.

Приложив палец к губам, барышня удивленно воскликнула слово, которое вычленила среди кучки слов.

— Относительная покорность? Не абсолютная?

— В целом да. Однако из того, что я знаю, кроме высших чинов, тем же кандидатам никто не смеет перечить и противопоставлять свое мнение. Их влияние граничит с абсолютным. Даже такие как я — Маркизы не устоят перед силой их ранга, что уж говорить о тебе, Канна, ты всего лишь Барон.

Радости в словах Клайма и с лупой не сыщешь. Нетрудно понять о каком из двух кандидатов он говорил, и о какого рода воздействии шла речь.

— Но почему ты не объяснил мне это раньше? Я же теперь и вправду чувствую себя дурой, — ведь если у Алу Карла едва не абсолютная власть над баронами, то исполнить свои плохие умыслы ему, что на пол плюнуть.

— Моя вина, я слишком много думал о твоей безопасности. Потому я не подпускал тебя к тем немногочисленным старшим.

Не проговаривались слова истинны, лишь правды, в которую охотно верить им хотелось. А истинная в том, что Алу Кард не был заинтересован в Канне, тем более, ежели кто-то его интересовал в том самом смысле, игривистый характер юноши подтолкнет его на разговор, но не насилие, которое он совершал под приступом искренней ненависти.

Ростки недоверия к кандидату в короли крови, Клайм благополучно заложил, даже если не собирался прямо это делать.

— Неужели ничего не поделать? Клайм, подожди, ты же почти Герцог, Маркиз ведь идёт следующим! — плеснув руками, Канна тут же воодушевилась. — Герцог же предпоследний ранг, после него идут Кандидаты в Короли Крови, тебе ещё немного…

— Прости сестра, но это не так, — Клайм замотал головой, выдавая собственную правду. — Ты не понимаешь сути. До этого момента мне просто везло так быстро набирать ранги. В теории, любой из нашей расы может поднять свой ранг выше, однако на практике, очень немногим это удавалось.

— Разве удача покинула тебя? Тебя же сам Алу Кард приметил этим бурным ростом.

— Ага, а лучше бы не подмечал… только больше проблем на мою голову опустил, — Клайм обратился вниманием к своей руке, и вспомнил недалёкое прошлое, где эту правую руку ему оторвал верный подхалим кандидата. Приветственное рукопожатие от Маркиза другому Маркизу, дабы тот не зазнавался лишь только потому что так быстро взлетел по рангам. Ведь на деле же, Клайм ещё совсем не научился пользоваться новообретенными силами. — В общем, его внимание ко мне понятно, однако терпеть я это больше не намерен.

— К чему ты ведёшь?

— Милисион оправдал мои надежды только лишь наполовину, — как пример юноша показал сестре два пальца, которые по очереди сгибал в кулак. — Исцелить тебе получилось, но вот проживать здесь смысла нет. Слишком опасно и непредсказуемо влияние старшего.

— Ты хочешь уйти, — кивнула головой Канна.

— Мы уже как месяц состоим в почётной гвардии Мико памяти. Будь здешние земли свободны от надзора Карда, ты оставалась бы здесь и дальше. Ты ведь даже успела завести себе подругу?

— Ну есть такое, а что?

— Я безмерно рад за тебя, — Клайм прибрал ладони сестры себе, присевши на колено и смотря ей прямо в глаза. С момента «обращения», эти бездонные алые омуты затягивали его все сильнее. — Но мне нужно идти. К Владыке, иначе я умру. У нас был уговор. Он дал мне ровно год и у меня осталось не так много времени на возвращения.

— В таком случае, тебе нужно торопиться, — глаза девушки стрельнули в горизонт и быстро вернулись обратно, застав печальное лицо. — Что такое?

— Я не могу без тебя, ты же знаешь, мне совесть не позволить тебя бросить…

«Как я могу оставить тебя здесь? Ты же все поняла, ведь так? Алу Кард ужасный человек, и он в любую минуту может прийти к тебе и сотворить что-то нехорошее. В отличии от него, мои помыслы чисты»

Мысли Клайма очернялись тем больше, тем дольше он мыслил в подобную сторону.

— Неужели ко мне вернулся мой маленький братик? — улыбнувшись, Канна освободила руки и приобняла голову юноши. — Маленький и ещё совсем не самостоятельный Клайм. Помнится, мне, ты любил, когда тебя вот так прижимали к груди.

— Ага…

Клайм глубоко вдохнул, пуская в нос хозяйствовать чужим, но обаятельным гостям.

«Я хочу, чтобы она была со мной» мысли парня текли в сторону эгоизма. Они каждый раз, как те черти, находили оправдания, в виде страшно озабоченного Кандидата в Короли, который «вечно» спрашивает его о состоянии сестры, да интересуется как у неё дела. Естественно это было не так, и Алу Кард за семь встреч два раза интересовался этим чисто формально, ведь тогда, не приходилось каких-то иных тем.

Клайм отрицает свою жадную сущность, которая за эти месяцы и годы, уже свыклась с тем, что сестра вечно будет у него; «Вечно будет моей». И эти страшные мысли вовсе не слушались морали и её учений, не слышали они голос разума, задавливая его тем больше, чем дольше Клайм находился рядом с ней.

Для девушки же, по сути настала новая жизнь. Не в том безызвестном малом государстве, а здесь в Милисионе, где она была членом элитного отряда, с новыми силами, которые приходится осваивать и новыми знаниями которые надо бы уложить в голове. Для Канны, её брат давно перестал быть сопливым плаксой, который прятался за сестринской юбкой, потому она его больше не держала.

«Не держи, и ты меня», если уж гадать подобным образом, то получалось полное противоречие.

У Канны здесь заводились знакомства, друзья, и если Клайм сейчас уйдет, то он не знал, когда вернётся. Ранее подобное не смело даже закрадывается в его голову, однако юноша был очень взбудоражен тем, что мог увидеть по возвращению. Его сестра с переменным успехом могла как остаться одинокой, так и создать семью, войти в чужую, поддаться власти старшего собрата и остальной белиберде, которая витала в голове Клайма.

Он даже видел сцену, подобно театральной, где Канна при простецком белом платье, стоит в

поле с малышом. Её одежду, волосы и шарм развивает нежный ветер, в то время как малыш побежал к юноше, крича еле слышимое «Дядя!»… И все остановилось, а в реальном мире, Клайм едва не выгнулся от горя и печали, которые разом нахлынули на его хрупкую психику. Ведь кроме окрика «Дядя», была деталь, не рядом с сестрой, она была в углу, где мало из зрителей посмотрит, и были там приоткрыты двери дома, в котором виднелась злостная улыбка Алу Карда!

«Не бывать подобному! Сестрицу надо спасать! Она не может здесь оставаться, оставаться в месте где орудует Он! Я не смогу её забрать, я не смогу её уберечь если только не стану ещё сильнее…» Вот-вот, в объятиях сестры которая своими мыслями далеко летала в облаках, рождалось нечто невообразимое.

Клайм никогда не желал своей сестре несчастья. Но он понимал, что иногда, надо поступиться её свободами, дабы не загубить ту улыбку, за которую не жалко перевернуть и страны. Он пустит желания сестры под нож. Укоротит их, искромсает до той длинны, чтобы они позволяли ему быть с ней… всегда.

И вновь та же картина. Нет, слегка другая. Сменилась локация с близкого храма, на пшеничное золотистое поле. Ветер все тот же, улыбка сестры все та же, однако ребенок, который радостно бежал к нему, раскинув руки кричал отнюдь не прошлое оскорбительное слово; теперь это было чёткое и нежное «Папа».

http://tl.rulate.ru/book/84638/3411242